

УДК 801.6: 7.31

ЧЕЧЕНСКИЕ НАРОДНЫЕ ЛИРИЧЕСКИЕ ПРИЧИТАНИЯ

Расумов В.Ш.

Чеченский Государственный Университет, Грозный, Россия (364907, Грозный, ул. Шерипова, 32) e-mail: mail@chesu.ru

Данная статья посвящена выявлению взаимосвязи древних форм чеченских фольклорных причетов и народных (девичьих) лирических причитаний. Как известно, после принятия чеченцами Ислама женские причитания претерпели значительную трансформацию. Точнее, адат, связанный с причитаниями, пришедший в противоречие с Исламом, начал постепенно стал сдавать свои позиции. Это привело к тому, что со временем, с изменением функции причитаний «в поэтике причетов стала усиливаться лирическая струна», которая привела к зарождению другого «женского» жанра – лирических причитаний. Полные тексты чеченских народных лирических причитаний до настоящего времени не записаны и не опубликованы, а вопросы поэтики и национального своеобразия причитаний только сейчас становятся объектами научного исследования в чеченском и отечественном литературоведении.

Ключевые слова: народная лирика лирические причитания, похоронная культура чеченцев, Ислам.

CHECHEN FOLK LYRIC WAIL

Rasumov V.S.

Chechen State University, Grozny, Russia (364907, Grozny, street Sheripova, 32) email: mail@chesu.ru

This article is dedicated to finding out the link between ancient forms of Chechen folk prichet and folk (women`s) lyric wail. As it`s known, after the taking Islam by the Chechens woman`s wail underwent significant transformation .More precisely, adat connected with wail caused the contradiction with Islam, began giving up its positions . This led to the fact that over time, by changing the functions of wail «in prichet`s poetry the lyric string» began to strengthen which led to the generation of another «female» genre – lyric wail. Full texts of Chechen folk lyric wail have not been written and published yet and problems of poetry and national singularity of wail have just been becoming the objects of scientific researches in Chechen and domestic literature.

Keywords: folk lyric, lyric wail, Chechens` funeral culture, Islam.

По нашему убеждению, чеченские народные лирические причитания («лирикин тийжамаш») относятся к позднему (вторичному) «в стадильном отношении» явлению по отношению к фольклорным причитаниям – важному элементу похоронной культуры чеченцев.

Чеченские народные причитания, как известно, являются «продуктом», своеобразным синтезом двух родственных наук – этнологии и фольклора, иными словами взаимодействующей друг друга системой. Она с незапамятных времён занимала важное место в духовной культуре народа. Функция адата с ней была доминирующей, а фольклорная составляющая – тексты причитаний – занимала в какой-то мере второстепенное значение.

Причитания, или «плачи» с древних времен составляли нерасторжимое единство с обрядом оплакивания усопших. На всеобщее «оплакивание» покойного собирались все женщины аула (мужчины, как правило, в этом мероприятии не принимали участия). Считалось, чем больше людей (женщин) оплакивали уход человека в иной мир, тем его «милостливее» («кьинхетаме») могут принять на том свете. Некоторые подробности этого обряда описаны в предисловии к «Очерку истории чечено-ингушской литературы

кандидатом филологических наук Д.Д. Мальсаговым и писателем-просветителем Х.Д. Ошаевым: «Женщины – родственницы или знакомые умершего – входят в дом и, усевшись на полу, кроватях, скамейках, начинают плач. Обычно одна импровизирует *причет*, другие после каждой фразы причета хором плачут. Содержание плачей разнообразно. Это, прежде всего, – жалобы о том, что некому заменить покойника и покойницу» [3, 17].

Этот свято чтимый чеченцами обычай лёг в основу известной поэмы классика грузинской литературы Важа Пшавела, которая под названием «Гость и хозяин» [4] впервые опубликована в XIX веке. Не понаслышке знавший древнюю культуру чеченцев, Пшавела рассказывает в ней о двух охотниках, повстречавшихся ночью в горах, – хевсуре Звиадаури и кистинце Джохолы. Хевсур, которого поэт характеризует, «отважным по натуре», скрывает своё настоящее имя при знакомстве. И, оказывается, не зря:

Здесь в этих сёлах повсеместно
Давно в кровавом он долгу,
Его здесь имя всем известно,
И смерть на каждом ждёт шагу... [4, 71].

Ничего не подозревающий кистинец приглашает нового знакомого к себе в гости. И едва Звиадаури переступает порог гостеприимного дома Джохолы, как «от дома к дому Бежит неслыханная весть: «Кистины, кровник ваш знакомый Ночует у Джохолы здесь! Его, разбойника ущелий И кровопийцу мирных скал, Джохолы, видимо, доселе Еще ни разу не видал...» [4, 74].

Когда, собравшись, единоверцы вероломно нападают на Звиадаури, то Джохолы всеми силами защищает своего гостя, даже проливает кровь своего односельчанина. Но, презрев «отцов обычай вековой», кистины, связав верёвкой Джохолу, жестоко расправляются с ненавистным кровником, после чего изувеченное тело врага «осталось наверху скалы» – непогребённым, брошенным за оградой сельского кладбища:

Пусть рвут его собаки смело,
Пускай клюют его орлы! [4, 84]

Совершив возмездие, кистины возвращаются в село, и только одна женщина решается «оплакать вражескую смерть»: это жена осрамлённого односельчанина Джохолы и сестра Эбара, погибшего от руки Звиадаури, – Агаза («АгІаз»). Глубокой ночью, оглядываясь по сторонам, она подходит к обезглавленному трупу хевсура, и, как родная сестра, от всего сердца, на своём родном языке долго причитает над ним...

Этот пример свидетельствует, насколько глубоко чтит горцы свои обычаи и традиции, невзирая на конфликты, происходившие между ними время от времени, и конфессиональные разногласия.

После принятия чеченцами Ислама женские причитания претерпели значительную трансформацию. Точнее, адат, связанный с причитаниями, пришедший в противоречие с Исламом, начал постепенно стал сдавать свои позиции. Это привело к тому, что со временем, с изменением функции причитаний «в поэтике причетов стала усиливаться лирическая струна» [5, 441], которая привела к зарождению другого «женского» жанра – лирических причитаний. На эту трансформацию впервые обратил внимание учёный-фольклорист О.А. Джамбеков, который назвал эту своеобразную группу народной лирических песен – лирическими причитаниями [2, 125].

На эту жанровую особенность причитаний обратила внимание в своём исследовании «Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование» [1] и М.С. Альтшулер. «Не надо забывать, – отмечает исследователь, – фольклорный текст, по какой-то причине потерявший связь с обрядом, рано или поздно, видоизменяясь, трансформируется в иную форму» [1, 4].

Так, на наш взгляд, происходила трансформация традиционных причитаний в лирические причитания. Если на начальном этапе зарождения древних причитаний их исполняли пожилые женщины, которые старались «изгнать» из сердца тоску, то лирические причитания становились прерогативой молодых исполнителей. Известно, что исполнительница причитаний ищет «успокоение» не только для своей души, но и, в то же время, старается «размягчить» сердца слушателей, привлечь их к активному состраданию – искреннему «плачу» по усопшему. Именно с этой функцией связана традиция, зародившаяся в горной Чечне много веков назад, когда «на похороны специально приглашали за плату одну или несколько плакательниц – мастериц импровизации» [3, 17].

Фольклорные причитания всегда полны печали, потому что они востребованы скорбью по конкретному человеку. В лирических причитаниях главное не выражение безмерного горя, а создание художественного образа, соответствующими словоформами.

Среди записей, сделанных нами в полевых условиях встречаются авторские лирические причитания. Эти причитания можно назвать песнями-элегиями. К примеру, в одном лирическом причитании, записанном на ч'еберловском диалекте, лирическая героиня высказывает негодование по поводу постоянных призывов своих и чужих представителей к газавату, губящих молодёжь в бессмысленной войне, в которой нельзя победить. Нарушив клятву «не петь песни» («иллалай ца ала»), данную ею после появления с «белым флагом в руке» имама Шамиля, не выдержав притеснений власти Нур-Али, героиня начинает причитать:

...Надо бы бежать

С этого света,

Схорониться хоть
В чёрной могиле,
Взяв с собой
Немного провизии,
Туда, где не слышно
Этих аварских мулл...

(...Вада везар-кх
Маьлхин дуьненара,
Вуола везар-кх
Цу Иарчи коша,
Шена баал кхача
Кери ицина,
И суьйлин молланаш
Кхойкху ца хоззу) [5, 441–442].

В этих словах слышатся стенания не только одной женщины-исполнительницы лирического причитания, а душевный призыв всего народа, уставшего от войны и лишений, но и также призывы остановить войну самого святого Кунта-Хаджи.

Среди огромного количества записанных и опубликованных в печати лирических причитаний на первом месте стоят «посвящения» сестры брату.

Это, конечно, не случайно, потому что нет у сестры на этом свете более надёжной опоры, чем родной брат, её «кровинушка». Полностью соглашаясь в волей Всевышнего и зная о том, что Ислам не поощряет «причитания» над покойником, она изливает своё сердце по поводу потери брата, воспользовавшись возможностями лирических причитаний.

В лирическом причитании, приводимом нами ниже для иллюстрации, лирическая героиня – сестра, похоронившая единственного брата, характеризуя своё душевное состояние, приводит метафоры, в которых сравнивает себя, то с «соколом с одним крылом», то с «тростинкой без ветки». Далее в причет вкрапляется «общее место» из традиционного фольклорного причитания:

Да пусть умрет вместо тебя мать
Твоего болевшего тела,
Как грустно покинул ты нас,
Да умри у тебя
Та, которую родила твоя мать!

(Хьайн нана лойла
Хьан лезначу дегІан,
Ма гІийла дІатеси ахьа тхо,
Хьайн нанас йинар ялариг!). [5, С. 442]

Затем вводятся народные лирические мотивы, призванные во всей полноте показать внутренние переживания героини – её горе и тоску:

Да умри мать этого утра,
Да умри мать этого вечера,
Пусть умрёт сестра не имеющая брата,
Пусть умрут (все) сёстры, желающие умереть.

(Кху Іуьйренан нана лойла,
Кху суьйренан нана лойла!
Ваша воцу йиша лойла,
Яла мел луу йиша лойла!) [5, 442]

В другом лирическом причитании лирическая героиня с грустью вопрошает:

Оставшийся после тебя белый свет,
Как будет топтать твоей матерью рождённая?
(Дуьне дезаш хьобх дисча,
Нанас йинчо муха хьобшур ду?) –

и сама же отвечает:

В потёмки превратившегося белого света
Бродить будет та, которую родила твоя мать!
Сирлачу дуьненах Іаьржа бода хилла
Лелар ю хьан нанас йинарг! [5, С. 442]

Лирически причитания бытуют, в основном, в монологической форме – от имени сестры, матери или другой родственницы, скорбящих по поводу кончины брата, сына, родственника. Иногда, в редких случаях, встречается форма диалога: сестры с усопшим братом, матери с покойным сыном:

Вечером не плачь, меня родившая мать,
Утром не плачь, меня родившая мать!
Свои богатырские плечи о косяк (веранды) оперев,
По поводу, оставленного мною, любя, белого света, плачь...

Вечером будет плакать тебя родившая мать,
Утром будет плакать тебя родившая мать!
Свои богатырские плечи о косяк (веранды) уперев,
По поводу оставленного тобою, любя, белого света,
будет плакать твоя мать...

(Суьйранна ма елха, со вина сан нана,
Гуьйранна ма елха, со вина сан нана!
Сайн турпала ши белаш бЮгIамах товжийна,
Ас, дезаш, дитинчу дуьненна елхалахь...
Суьйранна йоьлхур ю хьо вина хьан нана,
Гуьйранна йоьлхур ю хьо вина хьан нана!
Хьайн турпала ши белаш бЮгIамах товжийна
Ахь, дезаш, дитинчу дуьненна йоьлхур ю хьан нана...). [5, 442–443]

Поднятая нами в данном параграфе проблема, на наш взгляд, ещё далека от своего окончательного решения. Но основные аспекты её исследования, намеченные нами, – уже можно считать успехом. Мы склонны считать, что лирические причитания, занимающие соответствующее место в народной лирике чеченцев, будут успешно развиваться и в будущем. Поэтому мы будем продолжать работу по сбору и записи в полевых условиях новых образцов лирических причитаний, а также их исследование.

Список литературы

1. Альтшулер М.С. Русские похоронные причитания. Виды, формы, генезис, бытование: дис. ...канд. искусствоведения: 17.00.02. – М., 2007. – 152 с.
2. Джембеков О.А. Классификация чеченских народных лирических песен // Вестник АГУ. – Майкоп, 2008. – С. 125.
3. Мальсагов Д.Д., Ошаев Х.Д. Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа // Очерк истории чечено-ингушской литературы. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. – С. 17.
4. Пшавела Важа. Собр. соч. – Тбилиси: Заря Востока, 1978. – С. 67–92.
5. Чеченское устное народное творчество. Учебное пособие. Часть вторая. Сост. Джембеков Ш.А., Джембекова Т.Б. (На чеченском языке). – Махачкала, 2012. – С. 441.

Рецензенты:

Хусиханов А.М., д.ф.н., профессор кафедры отечественной и мировой литературы ФГБОУ

ВПО «Чеченский государственный университет», г. Грозный;

Джамбекова Т.Б., д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой литературы и методики её преподавания ФГБОУ ВПО «Чеченский государственный педагогический институт», г. Грозный.